

ЕСТЬ ПЕВЦЫ, чьи голоса никогда не спутаешь с другими.

Голос Сергея Яковлевича Лемешева, светлый, свободный, вдохновенный, покоряет своей задушевностью, тонким лиризмом, русской широтой. В нем — пылкость юношеских мечтаний, чистота и благородство чувств, затаенная печаль и глубокое раздумье.

Мы слушаем Лемешева... И в нас пробуждается чувство причастности к прекрасному, счастливого и благодарного удивления. Что бы ни пел Лемешев — будь то арии из опер, романсы или русские народные песни, — это всегда важно для него самого как для личности, и потому становится признанным миллионами слушателей. Каждый находит для себя что-то родное, близкое, дорогое и сокровенное. Сила его искусства — народность.

30 июня в Большом театре москвичи чествовали одного из самых любимых артистов, которому исполняется 70. Ленский Лемешева после семилетнего перерыва снова

такими опытными партнерами, как Степанова, Катульская, Барсова, которые приходили на репетиции, в совершенстве зная не только свои, но и чужие роли. Тут-то я понял, что немедленно надо наверстать упущенное — довести все ранее спетые партии до блеска.

С первых же спектаклей в Большом театре мне начал сопутствовать успех зрительного зала, который возрастал год от года. И это, с одной стороны, меня радовало, а с другой — огорчало. Иногда я чувствовал, что пою неудачно, что голос мне не подчиняется, а публика ничего не замечает и устраивает иной раз еще более бурные овации, чем тогда, когда я был «в ударе».

Прошу Вас заметить, что на москвичей я вовсе не в обиде. Видимо, они меня слишком любили и простили все недостатки.

— Сергей Яковлевич, что для Вас определяло успех?

— Многое. С какими мыслями ушел после концерта или спектакля слушатель. Удалось ли мне пробудить в нем новое,

если тебя застали врасплох, начинаешь ой как хорошо понимать, что оперному певцу важно быть в любое время в творческой форме. По-моему, режим певца можно в чем-то сравнить с режимом спортсмена.

— Станиславский говорил, что надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Какую роль Вы отводите скромности артиста? Как выдержать испытание славой?

— Успех либо окрыляет, либо останавливает на достигнутом. Поэтому раннюю славу может выдержать не всякий. Порой, как принято выражаться, на ней почивают. У скромного человека всегда развита высокая требовательность к себе. Если певец смолоду самокритичен, серьезен, то слава не пошатнет его, а, напротив, поддержит в труде. Нескромные люди обычно сами довольны и не способны замечать собственные ошибки. Кому успех вскружил голову, кто перестает себя совершенствовать — тот случайный человек в искусстве. Потому что настоящий художник сам ищет в себе недостатки, независимо от того, как принимают его творчество. Нас, студийцев, Станиславский учил смотреть на себя из зрительного зала, находясь при этом на сцене. Я обычно мысленно переносился куда-то в самый последний ряд и наблюдал себя оттуда. Если замечал промах, то всячески старался избавиться от него и порой, исправив эту ошибку, вдруг обнаруживал другое злополучное место.

Никогда не забуду, как я спел Герцога в «Риголетто» в 1936 году. Я придумывал самые невероятные вокальные трудности, и все выходило без сучка и задоринки.

У меня была привычка приходиться после спектакля домой и выскидывать недостатки с тем, чтобы в следующий раз их не повторять. В этот вечер я понял, что мне просто нечего у себя критиковать, прибавить или добавить, понял, что это мой «потолок» и что я никогда больше не спою Герцога так, как сегодня. А между тем в театре ничего не случилось. Как обычно, опустился занавес. Зрители разошлись, не почувствовав, что лучше спеть я уже не сумею. И я заплакал от горя...

— Сергей Яковлевич, что, по-Вашему, делает настоящего оперного певца неповторимым (помимо дара хорошего голоса, умения управлять и технически им распоряжаться)?

— В голосе ценится певучесть, пластичность, легкость переходов от ноты к ноте, чистота интонации. Эти качества должны сочетаться с художественным пониманием музыки, ее духа до самой глубины, хорошим музыкальным слухом и памятью. Если певец принес с собой в театр красивый по звучанию голос, сценическое обаяние, артистичность, доброжелательность, скромность, а главное, трудоспособность, у него очень скоро налаживается нормальная творческая жизнь. Когда же у артиста нет каких-либо из этих данных, рост его длится гораздо дольше, происходит не так уверенно, как хотелось бы, часто зависит от случайностей (скежем, посчастливилось заменить заболевшего исполнителя). Приходится только огорчаться, что мало у нас появляется ярких, интересных оперных певцов, ощущается нехватка педагогов высокой квалификации. Очевидно, необходимо повсюду искать голоса талантливых, художественно богатых людей. И только тогда они смогут своим отшлифованным трудом дарованием увлечь за собой зрителя — и немолодого, и юного, неискушенного.

Беседу вела  
Т. МАРШКОВА.

# СЕРГЕЙ ЛЕМЕШЕВ

ВСТРЕЧА  
ДЛЯ ВАС

ожил на сцене — влюбленным и страдающим, возвышенным и целомудренным.

— Настоящий художник имеет свою изблюбленную тему в искусстве. Ей он отдает силы и вдохновение, она звучит в его творчестве особенно ярко и неповторимо. Какова Ваша тема, Сергей Яковлевич?

— Мне не довелось выбирать себе тему. Судьба распорядилась моим голосом сама. Назначение лирического тенора — петь любовь. Поэтому никакие злодеи в мой репертуар не попали. Все мои оперные герои обязательно любили.

Другое дело, как я пел любовь... Мне хотелось, чтобы ее не только видели глазами, но и чувствовали сердцем...

— Скажите, пожалуйста, есть ли у Вас «неспетые партии»?

— Наверное, есть, если подумать. От этого никуда не деться. Жизни, дарованной артисту на сцене, всегда не хватает. И у каждого, независимо от того, много или мало он сделал, остаются свои несыгранные роли. Век певческий слишком мал, чтобы вместить в него все, о чем мечтал. Но меня сейчас тревожат куда больше те партии, которые я спел, но не успел заставить зазвучать безупречно, довести до совершенства.

— Всегда ли помогала Вам реакция зрительного зала правильно оценивать свои выступления?

— Нет, не всегда. Мой первый в жизни сезон открылся в Свердловском оперном театре. После удачного выступления в партии Берендея роли стали называться одна на другую. Только я спел Альмавиву, как мне уже предлагали Альфреда, за ним без передышки я принимался за Индийского гостя, Владимира Игоревича, Юродивого, Фауста и даже... Зибелю, написанного Гуно для меццо-сопрано. Итак, 12 партий за один год. При всем желании я не имел возможности выместить из них весь «мусор» до единой соринки. Но принимали меня горячо. Появился успех. И, что греха таить, по молодости лет думал: надо петь только так и никак иначе. Через пять лет, вступив на подмостки Большого театра, я стыдился и вспоминать об этом. Мне не давала покоя одна мысль, как я покажусь с



еще неизведанное светлое чувство, если хотите, заставить поверить в чудо, что ли... В жизни не помешают маленькие чудеса. Успех артиста в том, взволновал он зал или нет. Если он поет что-то веселое, легкое, шаловливое — пусть вострепунутся, развеселятся сами зрители. Если его герой страдает — грустно должно стать всем. Когда поешь, следишь, задел ли за живое людей, сидящих в зале. И еще я привык различать тишину равнодушную и тишину взволнованную.

— Сергей Яковлевич, что Вы вкладываете в понятие «беречь голос»? Откройте, пожалуйста, «секрет», как сохранить его?

— Оперным певцам, изнашившим свой голос, остается ограничиться сетованиями: мол, если бы мне вернуть мой голос, я бы показал, как надо петь. Строгий режим сохранит в исправности «инструмент» певца. Попробуй не поспи ночь или задержишься допоздна в гостях накануне спектакля. Хочешь не хочешь, а на голосе все скажется. Всякая попытка удалиться в иное оперное амплуа, идти наперекор природе голоса губительна. Поэтому я всегда испытываю сожаление, слушая, как, скажем, лирические баритоны исполняют партии Грязного, Амонасро или князя Игоря, в то время как им надо петь Фигаро, Жермона, Елецкого, Онегина...

Случается, в театре заболел исполнитель какой-то партии, и срочно требуется замена. И